

ПЕРВАЯ ОПИУМНАЯ ВОЙНА 1839-1842 гг. и ВЬЕТНАМ*

Ко времени, когда Англия развязала первую опиумную войну против Китая, у правившей во Вьетнаме династии Нгуенов было свое отношение как к Цинскому Китаю, так и к Англии. Была у них и своя, сложившаяся в течение десятилетий политика, в основе которой лежал полный запрет опиума.

С Китаем Нгуены поддерживали традиционные даннические связи, которые в те годы были более чем символические и не мешали Вьетнаму проводить полностью независимую как внутреннюю, так и внешнюю политику, и в ней Англия занимала весьма скромное место.

Среди факторов, влиявших на формирование представлений Вьетнама об Англии и на то, как надо вести себя с этой страной, важное место занимала общая с Китаем конфуцианская концепция отношения к «западным варварам снисходительно и издали», которая до минимума ограничивала инициативу в контактах с европейцами. Именно поэтому об Англии Нгуены знали больше, чем, например, о Германии, что объясняется большей активностью англичан. Играли роль впечатления от имевшихся непосредственных контактов с англичанами, которые в начале XIX в. наведывались к вьетнамским берегам, намереваясь установить торговые отношения с Вьетнамом.

В 1803 г. прибывшие в страну англичане просили разрешения учредить факторию в Чашоне (Куангнам), на что основатель династии Зя Лонг, только что пришедший к власти, сказал буквально следующее: «Морская граница место очень важное. Зачем допускать туда иностранцев?». Все привезенные англичанами дары были возвращены и отдан приказ удалиться¹. В 1804 г. англичане снова обратились с просьбой обосноваться

* Разные исторические источники по разному датируют начало Первой опиумной войны: 1839 г. или – 1840 г. Вьетнамская хроника Dai Nam Thuc Luc (Правдивые записи о Великом Юге), Hanoi, 1962-1978, далее DNTL, придерживается первой даты.

у Дананга, учредить факторию, и опять последовал отказ Зя Лонга. «Прежние правители, основывая государство, не разрешали своим подданным вступать в отношения с варварами (người Di)». На самом деле это было мерой предосторожности. Англичане (người Hồng ma) коварны и хитры, не нашей породы, у них другая душа...». Зя Лонг приказал чиновникам «выразить благодарность, отказаться от привезенных даров, и сказать, чтобы англичане уходили»².

В 1812 г. Зя Лонг по поводу прибытия очередного английского судна, с которым не состоялась торговая сделка, высказался о «чрезмерной ненасытной алчности и стремлении к наживе заморских варваров», что по его словам «трудно назвать гуманным и справедливым»³.

Характерными для отношения Нгуенов к Англии при Зя Лонге таким образом были устойчивые чувства неприязни и недоверия, которые при его преемниках только укрепились, что было обусловлено колониальными захватами Англии и её активным продвижением в Тихий океан. Хроника DNTL к числу главных политических удач Зя Лонга относила его умение «отклонять притязания пришельцев с Запада»⁴.

При Зя Лонге Вьетнам, таким образом, опасаясь за безопасность своих морских границ, с осторожностью подходил к попыткам Англии установить тесные торговые контакты, которые в итоге были редкими и малоэффективными⁵.

Отношение двора к англичанам в начале века несколько свысока проявлялось как в названии страны Hồng ma – красноголовые, так и в характеристике страны и людей, как коварных, нецивилизованных, не понимающих правил приличия (lễ phép) и правопорядка (luật lệ), «которые могут прибегать к вымогательству под тем или иным предлогом, им лучше заплатить и отправить восвояси, чем такой богатой стране как Вьетнам проявлять расчетливость и вести переговоры»⁶.

В результате в бурных событиях первых десятилетий XIX в., когда Англия шла в авангарде колониальной экспансии западных стран, Вьетнам, сохраняя чувства неприязни и недоверия к Англии, занимал пассивную, часто противоречивую позицию. Она формировалась под воздействием местных, индокитайских факторов и не поднималась до серьезной оценки

внерегиональных сил, в данном случае Англии. Так во время первой англо-бирманской войны (1824-1826), в ходе которой Бирма потеряла часть своей территории, вьетнамский монарх Минь Манг выразил отстраненное и почти негативное отношение к обеим сторонам конфликта. «Например, в 1826 г. он считал, что в интересах Сиама, чтобы Бирма и Англия ослабляли друг друга в войне». Однако в самом начале войны в 1824 г. он в беседе с послом из Сиама высказался о роли Бирмы для Сиама как надежного «забора» для дома перед лицом возможного внешнего вторжения и «советовал» Сиаму заботиться о победном для Бирмы окончании войны⁷. Но еще до войны с Англией Бирма в 1823 г. прислала во Вьетнам посла с письмом Минь Мангу и дарами и выражала желание «установить отношения». Власти Бирмы выражали сожаление, что, несмотря на двукратную попытку, им не удалось сделать это с его отцом Зя Лонгом. Бирма также просила Вьетнам «порвать отношения с Сиамом»⁸.

Несмотря на то, что у Вьетнама с Сиамом были весьма непростые отношения из-за соперничества за влияние на полуострове, несмотря на критическое отношение двора к королю Сиама, у которого «народ голодает, а он только занят буддийским учением», Вьетнам не согласился выполнить просьбу Бирмы, а её посла с дарами уважительно проводили морем на родину. Вьетнамские власти сочли необходимым сообщить властям Сиама о визите бирманского посла и его просьбе, за что оттуда последовало письмо с благодарностью⁹.

В контексте политики Англии в Юго-Восточной Азии, в которой большую роль в те годы играл Сиама, Минь Манг задумывался и о месте своей страны. Хроника DNTL следующим образом говорит об этом: «Император Минь Манг 7 мес. 1826 г. открыл географическую карту и обратился к приближенным: «Слышал о неприязненных отношениях между Сиамом и страной красноголовых, если дело дойдет до войны, то наша провинция Хатьен – место, где они схватятся. Мне надо просчитать возможность защиты. Хотя Сиама наш сосед и отношения между нами соседские, надо ли помогать ему в беде? Поистине трудный выбор»¹⁰.

Из этого высказывания ясно, что Минь Манг, во-первых, не видел в 20-е гг. непосредственной угрозы своей стране со стороны Англии, а, во-вторых, не торопился с определением своей позиции в том, что касалось Сиама, отношения с которым были напряженными. Можно даже сказать, что при Минь Манге вьетнамцы видели в соседнем Сиаме более непосредственную опасность, нежели таковой казалась далекая Англия. Вьетнам и Сиам традиционно соперничали за доминирующую роль в Индокитае, и Минь Манг подозревал Сиам в намерениях использовать Англию в антивьетнамских целях. В конце 1821 г. Ле Ван Зуйет, тогда генерал-губернатор Зядини, докладывал Минь Мангу о том, что Сиам «произвел перегруппировку приграничных воинских частей с непонятной целью и запросил у Англии военную помощь». «Я приказал нашим военным принять чрезвычайные меры для обороны и послал людей в Англию для выяснения обстановки», - докладывал Ле Ван Зуйет.

Минь Манг одобрил действия военачальника и обязал немедленно информировать двор по мере поступления известий¹¹. На самом деле, как оказалось, Сиам в своих планах больше полагался на использование антиправительственных сил внутри Вьетнама. В 1833 г. Вьетнам и Сиам оказались в состоянии серьезного конфликта. Хроника DNTL приводит разговор Минь Манга, с приближенными в 1834 г. о том, как «Сиам в прошлом году развязал военные действия без всякого повода, но потерпел поражение»¹². В 1833 г. до двора доходили сведения о том, что Ле Ван Кхой, подняв восстание, обратился к Сиаму с просьбой начать военные действия в Ченла (Chân Lạp) и Зядини. Ле Ван Кхой якобы даже обещал в случае свержения Нгуенов стать вассалом Сиама¹³.

Когда в 30-е гг. двор был занят подавлением крупных восстаний Ле Ван Кхоя и Нонг Ван Вана, Сиам выступил на стороне восставших и фактически начал войну против Вьетнама, но был разгромлен военачальниками Чыонг Минь Зянгом и Нгуен Суаном¹⁴.

Тревога за судьбу своей страны перед лицом английской экспансии прозвучала по данным DNTL в словах Минь Манга в середине 1826 г. в ходе англо-бирманской войны, по поводу английского судна, оказавшегося у берегов Вьетнама.: «Страна

эта известна своим коварством и интриганством; сюда они (англичане – Г.М.) явились тоже не для добрых дел». Император приказал найти способ выдворить пришельцев, не вступая с ними в споры¹⁵. В то же время вьетнамские власти охотно оказывали помощь английским судам, занесенным непогодой во вьетнамские бухты, снабжая команду продовольствием и деньгами для скорейшего возвращения на родину¹⁶.

В сложившейся в 30-е гг. ситуации в регионе вьетнамский двор принимает меры к тому, чтобы не допустить какого-либо вмешательства извне, как со стороны соседей по индокитайскому полуострову, так и крупных западных стран (Đông dương và Tây-duong). В эти годы происходит резкое ужесточение торгового режима и вводятся более строгие правила досмотра иностранных судов таможенными властями. Торговля с Западом и без того скудная идет на убыль. Минь Манг заявил в этой связи в 1835 г.: «Я посылаю военные суда в другие страны, имея в виду исследовать морские пути, обычаи тех мест, а отнюдь не в поисках какой-то выгоды. Что касается выгоды, то если наша страна в чем и нуждается, то уж конечно не в вещах, зачем искать необходимое так далеко?»¹⁷.

Итак, Минь Манг в начале 30-х гг., хотя и недооценивал масштаб западной опасности, но с самого начала, ограничивая контакты с европейцами, очевидно, считал, что таким образом можно её избежать. Об этом свидетельствует эпизод с французским кораблем, который в 1830 г. вошел в бухту Дананга¹⁸. Капитан сообщил, что по приказу короля Франции хочет иметь беседу с чиновником из палаты Тхыонг бак¹⁹. Он не стал говорить с Нгуен Чи Фыонгом, а с Чыонг Данг Кюе, который представлял эту палату согласился встретиться и сказал, что король Франции давно хотел установить отношения с Вьетнамом (giao hiếu), но из-за дальнего расстояния и морских пространств – все не получалось.

Из материалов хроники следует, что во Вьетнаме к 30-м гг. уже по-своему оценили экспансионизм Англии, но не очень ясно видели аналогичную природу Франции.

Докладывая Минь Мангу о встрече с французским капитаном, Чыонг Данг Кюе подчеркнул, что «сейчас, когда Англия строит планы и хочет захватить Гуандун (Китай), француз при-

был во Вьетнам и от имени своего короля предупреждает нас (советует нам) воздержаться от помощи в Гуандуне»²⁰.

Это известие, которое принес Чыонг Данг Кюе, почему-то не встревожило Минь Манга, не расценившего этот факт как появление нового опасного субъекта на индокитайской политической сцене.

В 1830 г. Минь Манг отнесся к словам вышеупомянутого посланца из Франции всего лишь как к «предлогу для установления отношений с Вьетнамом»²¹. Более того, при этом он произнес фразу, непростительную для крупного государственного деятеля, каковым он во Вьетнаме, безусловно, являлся: «Англия замышляет захватить Китай, какое это имеет к нам отношение»²². Он даже поручил Нгуен Чи Фыонгу сообщить французам о позиции двора, которую можно было посчитать нейтральной.

Команда французского корабля тем временем самовольно сошла на берег, поднялась на известную гору Тамтхай, запросила проводника, который провел бы по всей территории Бактхани, карту которой французы имели задание изготовить. Именно это обстоятельство вызвало гневную реакцию Минь Манга: «В чужой стране люди прежде всего осведомляются о ее запретах. Они уже нарушили запрет, когда пересекли морскую границу, а теперь еще намерены изготовить и увезти с собой карту территории. Почему их поведение до такой степени бесцеремонно и абсурдно!»²³. Только после настоятельных требований посланного Минь Мангом Нгуен Чи Фыонга французский корабль покинул Дананг.

Между тем посланцы двора, вернувшиеся из Гуандуна в конце 1839 г., доложили о том, что цинский чиновник Линь Цзэсюй «вступил в конфликт с армией красноголовых, ...с обеих сторон есть жертвы, раненые, но пока не ясно, сколько с какой стороны».

Минь Манг отнесся к новостям как к отдельному эпизоду, не увидев за ним тенденции. Кроме того, это был повод для критики Цинского Китая. «Английских кораблей всего не более нескольких единиц, Линь Цзэсюй же привел армию целой провинции... почему же не победил? К тому же войска Англии

пришли морем, они не могут долго противостоять Цинам из-за нехватки провианта. Разве у них есть поддержка в стране?»²⁴.

«Раньше великая Цинская империя с одной восьмизнаменной дивизией завоевала Поднебесную. Почему военные силы тогда были мощные, а теперь слабые?

Лично я недоволен Цинами, имея в виду, что страна красноголовых (всего лишь) пришла торговать... Зачем было развязывать войну, только потому, что Линь Цзэсюй нашел при досмотре опиум, конфисковал судно и товар...

К тому же я слышал, что вся императорская семья и придворные курят опиум, который официально продается в конфуцианских храмах и торговых лавках. Если в своей стране такое положение, что же можно спрашивать с других иностранных государств?».

«И еще я слышал, что трубка для курения Линь Цзэсюя инкрустирована золотом: сам предается пороку, почему же другие будут порядочными? И из-за этого дела преследовать людей, развязывать конфликт... В самом начале, его можно было пресечь. Теперь не знаю, чем все это кончится...»²⁵.

По мере того, как опиумная война затягивалась, менялось и отношение Нгуенов к ней. Минь Манг распорядился, чтобы из провинции Куангйен, граничащей с Китаем, послали чиновника собрать более подробные сведения о том, каким образом провинция Гуандун «вошла в конфликт с Англией» (пíос Нống-мао)²⁶.

Послали китайца Ли Цинлоя, который по возвращении в конце 1840 г. представил доклад, за что получил награду.

Минь Манг, ознакомившись с информацией, заявил своим приближенным Чыонг Данг Кюе и Фан Хюи Тхыку: «Почему Цины проявили слабость, а не были тверды и решительны в этом деле с Англией? Нам стало известно, что Англия обратилась в Пекин (во дворец) с жалобой на императорского чиновника Линь Цзэсюя, который чинил препятствия их частным торговым связям, и дело дошло до военных действий. Затем Цинский император послал человека в Гуандун разбираться, а Линь Цзэсюя привезли в столицу и наказали²⁷. Он (император) определенно хотел с той страной договориться, так ведь? К то-

му же, разве Линь Цзэсюй запрещал опиум не по приказу императора?

И вот не взять ответственность на себя, довести дело до вооруженного конфликта, переложить наказание на своего подданного, разве это справедливо?»²⁸.

На ход войны влияло такое важное обстоятельство, что в цинском правительстве и армии почти безраздельно господствовали капитулянты. Сторонники сопротивления, также как Линь Цзэсюй в самом начале войны были смещены с постов и фактически лишились возможности влиять на политику пекинского правительства и ход войны.

Сторонники капитуляции перед англичанами были особенно сильны при дворе в Пекине, подавляющее большинство их составляла маньчжурская аристократия. И всё таки неудачный исход войны с Англией явился неожиданностью для цинского правительства и императора, слепо веривших в могущество Небесной империи²⁹. Похожие настроения на какое-то время сформировались и при дворе Нгуенов, в чьей риторике зазвучали нотки сочувствия Китаю и наоборот резкое осуждение европейцев.

«Судя по всему, люди Запада (người Tây dương) – по своей природе безмерно алчные. В прошлые годы воевали с Бирмой, а когда Бирма запросила мира, так Англия, подсчитав убытки в связи с передвижением войск, затребовала репарации. Сейчас снова используется этот прием в Китае. Если Китай согласится на выплату репараций в несколько тысяч лангов серебра, то несказанно унизит страну. Раньше европейцы мошенничали в торговле, а теперь уже и в военных делах жульничают – это поистине смехотворно»³⁰, - говорил Минь Манг.

Со временем версия о том, что войну развязала Англия, а не Китай, стала господствующей при дворе Нгуенов, но это не мешало Минь Мангу и придворным критиковать маньчжурский Китай.

Из хроники видно, что в годы Опиумной войны Минь Манг регулярно читал китайские газеты, был осведомлен о положении в китайском обществе. «В Китае ежегодно попадают в тюрьму до 20-30 тыс. человек. Чиновники и простой народ часто совершают преступления, курят опиум... Красноголовые

«собрали в одно все эти слабые места» и развязали конфликт, в Китае тоже не могли не предвидеть такое развитие событий», - делился Минь Манг со своими придворными³¹.

В 1840 г. высокопоставленный придворный Дао Чи Фу, который плавал в Джакарту для покупки (!) парохода у европейцев, привез сведения о ходе опиумной войны, услышанные от французов, с новыми подробностями.

Он рассказывал, как Англия год назад, под предлогом того, что генерал-губернатор Гуандуна Линь Цзэсюй арестовал англичан, нарушивших запрет торговли опиумом (при этом арестованным, чтобы унижить Англию, якобы обрезали кому нос, кому ухо) – развязала конфликт в Гуандуне. Гуандун не ответил, Англия приняла это за слабость Китая и вместе с другими странами, включая Францию, задумала ударить по Китаю.

«Если армия западных стран, придет, она не сможет сойти с кораблей и продвинуться далеко вглубь, но побережье китайцам будет нелегко оборонять», - заключил Дао Чи Фу³².

На этот раз Минь Манг вновь критиковал центральную власть Китая: «Китайцы слабые, мы знаем. Англичане в прошлом году плавали вокруг островов в акватории Гуандуна, но не слышно было, что Китай предпринял какие-то меры, вывел пусть даже один корабль, чтобы ударить по ним.

Сейчас они снова пришли, а Китай не сопротивляется. Сваливая вину на Линь Цзэсюя, который якобы развязал войну, таким образом хотят под этим предлогом организовать встречу и уладить дело с Англией»³³. По мере поступления более полной информации о состоянии китайской армии и общества, Нгуены стали терять последнюю надежду на победный исход войны для Цинской армии. Минь Манг говорил о том, что «слабые войска долго не продержатся. Красноголовые, когда приплывали торговать, знали об этом, поэтому и осмелились так дерзко напасть»...

Нгуен Чи Фыонг, на вопрос Минь Манга, «в каком таком состоянии находится Цинская армия, что англичане осмеливаются так «развлекаться», рассказал о том, что видел сам в 1839 г., когда был в Китае: «Китайские солдаты выглядят так, как будто их долго били батогами»³⁴.

Из хроники следует, что летом 1840 г., когда собственно развернулись военные действия, Нгуены не исключали, что события в Китае могут иметь непосредственное отношение к их стране. Их беспокоила вероятность распространения войны на вьетнамскую территорию. Император Минь Манг созвал Тайный Совет, на котором сказал: «Слышали, что Англия с Китаем развязали конфликт, началась война... Мы граничим с Китаем. Раньше и теперь иностранные суда постоянно приходили и вставали на якорь в бухте Чашон (провинция Куангнам). Необходимо до того как положение может обостриться взять все под контроль на побережье, укрепить его оборону. Я распорядился, чтобы в провинции Куангнам усилили меры безопасности, чтобы быстроходные суда вышли в море для патрулирования.

В том случае, если патрульным судам встретится один-два европейских корабля, то они сами должны выяснять ситуацию – как и прежде по правилам делали. А если европейских судов окажется 3-4 и более, то необходимо сообщить в провинцию, а оттуда – в столицу, двору»³⁵. Также предлагалось без промедлений сформировать подразделение в 500-600 человек для обороны крепостей Анхай и Дьенхай³⁶.

Помимо военного аспекта, вьетнамский двор беспокоила и экономическая сторона проблемы. Нгуены уже ощущали ущерб, который причинила война торговле с Китаем, и об этом император Минь Манг часто говорил с придворными, все время неодобрительно отзываясь о Китае, «который воюет 5, 6 месяцев и всё еще не победил... «Китай – огромная страна, вмещает всю Поднебесную...

Но зачем надо было сначала терять доверие и затевать войну, а потом долго воевать, утомлять свою армию, кормить вражескую, а что получается? Хотя эта война и в другой стране, я не могу чувствовать себя спокойно. Страна наша граничит с Китаем, все время между нами идет обмен сотнями видов товаров. Сейчас Англия препятствует этому, морской путь не действует. Много простых людей привыкли к китайскому чаю, как к северному лекарству, а где его теперь купишь? Поистине ущерб для торговцев и для простых людей»³⁷.

Опиумная война в Китае заставила вьетнамцев с еще большей настороженностью относиться к европейцам, придер-

живаться изоляционистского курса, не провоцировать европейцев на какие-либо враждебные действия.

Об этом свидетельствует эпизод 1843 г., который имел место уже при преемнике Минь Манга – Тхиеу Чи.

Будучи крайне осторожным в отношении европейцев, Тхиеу Чи такого же поведения, очевидно, ожидал и от соседей по полуострову, прежде всего от Сиама.

В 1843 г. власти провинции Хатьен сообщили, что шесть английских кораблей с опиумом прибыли в Сиам, но власти этой страны сожгли все суда, конфисковали все товары, а затем блокировали вход в бухту Бакнам (Vác-nam). Тхиеу Чи не одобрил действия сиамских властей, заявив: «Красноголовые – это племя озверелых людей, раньше из-за опиума они развязали войны в Гуандуне, и в течение 3-4-х лет китайцы так ничего с ними не могли поделать... Теперь этот ничтожный Сиам принял враждебную позу, но они не успокоятся... Эти события, о которых только сейчас стало известно, надо обдумать». Тхиеу Чи приказал всем местным властям бдительно следить, чтобы хорошо знать «положение за границей»³⁸.

С другой стороны Тхиеу Чи критиковал цинский Китай за уступчивость европейцам. Правда, критика не выходила за пределы императорского дворца. В 1844 г. узнав из газет, что Китай уплатил огромные суммы Англии и остался с пустой казной, сказал своим приближенным: «В Китае процветает коррупция... В стране без конца мятежи и стихийные бедствия! Не говорит ли это об упадке династии?»³⁹.

В самом Вьетнаме с опиумом в течение многих десятилетий велась жестокая борьба. Нгуены уже в первые годы утверждения династии издавали постановления о запрете опиума в стране. О том, что в годы правления Зя Лонга власть вела борьбу с распространением опиума, свидетельствует хроника DNTL, которая в 1818 г. отметила повторное появление закона (lênh), запрещающего опиум в Зядини⁴⁰. Самые суровые меры против распространителей, продавцов, производителей и потребителей опиума связаны с именем императора Минь Манга. В записях хроники DNTL весной 1824 г. читаем следующее: «Снова издан указ о запрете опиума. Император, понимая глу-

бокий вред опиума для человека, издавал указы о его запрете, но зло по-прежнему не искоренено».

Поэтому повторно был издан очень жесткий указ. Он больше всего касался иностранных торговцев, а также местных людей, военных и гражданских, которые вопреки запрету, тайно продавали и употребляли опиум. Местному населению разоблачение грозило вечной ссылкой. Жителям общин, которые знали, но не обнародовали курильщиков, а также родителям, которые не сумели запретить детям курить опиум, грозило наказание (100 ударов палок). Чиновников, курящих опиум, наказывали палками и лишением чина пожизненно и т.д.

Люди, знающие о нарушителях запрета на опиум, но не сообщившие властям, подвергались порке батогами (100 ударов). Наоборот, «доносители» получали имущество лица, нарушившего закон. При этом сурово преследовали тех, кто выступал с ложными обвинениями. Также тяжелые наказания полагались за взятки с целью «замять дело»⁴¹.

При Минь Манге строго наказывали вьетнамские экипажи судов, замеченных в контрабанде опиума.

В 1836 г. раскрыли дело о контрабандной транспортировке опиума и запрещенной католической литературы судном Фэнбанг, следовавшем из Сингапура. Ведомство юстиции, приговорило участников дела к ссылке (на каторжные работы) в разные отдаленные районы страны⁴². После этого случая все государственные суда, плавающие за границу, должны были подвергаться тщательному досмотру солдатами. Кроме того, к тому дню, когда судно должно было возвратиться в порт Дананг, туда прибывали представители из разных ведомств: финансов, общественных работ, палаты цензоров для совместного досмотра судна⁴³.

Без оглядки на Китай, а только руководствуясь своими законами, во Вьетнаме строго наказывали китайцев, уличенных в контрабанде опиума, обезглавливанием без суда на месте⁴⁴.

В конце 1831 г. в провинции Хатьен было задержано китайское торговое судно с контрабандным опиумом. Конфисковали все имущество контрабандистов, стоимость которого вначале составила 20 тыс. куанов, а в итоге часть этой суммы была украдена высокопоставленными чиновниками Хатьен, и в каз-

ну попало только 3 тыс. куанов. Чиновника лишили чина и отдали под суд⁴⁵.

В 1836 г. власти Куангнгай задержали корабль из Китая, перевозивший опиум. В ведомстве внутренних дел мнения разделились. Одни говорили, что надо переправить опиум в Гуандун и там продать. Император Минь Манг, напомнив, что «опиум – это страшный яд, отравка для людей в Поднебесной, лишаящая людей рассудка», приказал публично уничтожить опиум. «Если мы сами не употребляем этот яд, зачем же сплавлять его другим людям»⁴⁶.

Ранее другой эпизод с арестом китайского торгового судна вьетнамской патрульной службой в открытом море, на борту которого при обыске был обнаружен опиум, стал предметом специального расследования императора Минь Манга. Он согласился с решением ведомства юстиции конфисковать китайский корабль и изгнать весь экипаж, однако выразил несогласие с поведением своих патрульных, которые под видом борьбы с пиратами, «захватили корабль и вели себя там как грабители, не зная наперед есть ли там опиум или нет»⁴⁷.

Минь Манга в этом эпизоде беспокоил престиж страны, мораль которой и исполнение строгих законов он ставил выше, чем в Китае, где по его словам, «продаются и покупаются чины и наказания, где доблестью считается давать взятки, а если есть деньги – можно стать чиновником»⁴⁸.

О недостаточной эффективности запретительных указов говорят последующие многочисленные повторные императорские постановления о запрете опиума в стране.

В середине 1831 г. вышел указ о досмотре судов в порядке борьбы с контрабандой опиумом. Император Минь Манг выступил в Тайном Совете со специальным докладом о вреде этого «иноземного продукта», о его несовместимости с обычаями вьетнамцев. «В прежние годы мы много раз запрещали иностранным торговым судам перевозить опиум, существуют опубликованные нами ясные правила...

Теперь необходимо и для наших судов, бывающих за границей, издать запрещающий закон, чтобы предупредить преступление...

Отныне (1831 г.), когда государственный корабль отправляется с государственным делом и возвращается, его досматривают, и если обнаружится, что кто-то везет опиум, - его арестовывают и строго наказывают»⁴⁹.

В 1832 г. шоком для Минь Манга стало известие о том, что член его царствующей фамилии Тон Тхат Хюен тайно курил опиум. Ведомство юстиции после расследования вынесло приговор его наказывать поркой батогами и ссылкой. Однако Минь Манг распорядился ужесточить наказание в виде ношения шейной колодки, лишения звания члена царствующего дома (Тон тхат), возвращения фамилии простолюдина Ле Ван Хюен, разжалования в солдаты на остров Фукуок. Минь Манг подчеркнул, что принадлежность к царствующему дому не должна смягчать наказание, а наоборот. «Я повелитель всей Поднебесной, каждое дело решаю по справедливости, и не прощу этих испорченных людей, чтобы не причинить вред общественному долгу (công nghĩa)». Были наказаны и другие члены царствующей семьи⁵⁰.

В 1832 г. вышел еще один указ, запрещающий тайное курение опиума⁵¹. Минь Манг опять говорил о том, что это иностранный продукт, и «если попасться в эту отравленную ловушку, вырваться из нее невозможно...».

«Опиум отравляет душу человека, разрушает наши обычаи...». Ранее издали несколько законов со статьями, запрещающими чиновникам, военным и простым людям тайно курить и покупать контрабандой опиум. Несколько раз издавали указы с запретами... Недавно прошли дела Хаонг Конг Тая и Ле Ван Хюена, нарушивших запрет, тайно кутивших опиум. Это – чиновники, но преступники. Когда люди услышат приговор, это будет им уроком.

Сегодня снова постановляю: От императорской семьи до чиновников больших и малых в столице и за ее пределами, в провинции, если кто нарушит запрет – получит тяжелое наказание, пощады не будет»⁵².

Для повышения эффективности борьбы с опиумом в 1835 г. был издан закон о так называемых информаторах по опиуму. Тем, кто знал о людях, занимающихся укрывательством, изготовлением, продажей, покупкой, курением и сооб-

щившим властям об этом – полагалось соответствующее вознаграждение⁵³.

В 1838 г. запрет опиума распространили на Камбоджу, которая с 1833 г. стала частью Вьетнама под названием округ Чэнтэй⁵⁴.

Фактически с началом Опиумной войны в Китае в 1839 г. во Вьетнаме вновь был принят указ (điều lệ) о запрете опиума в стране, причем наказания за нарушение указа значительно ужесточились⁵⁵.

Особенно тяжелые наказания ожидали членов команды иностранных судов, которым за контрабанду опиума грозила смертная казнь и конфискация корабля и всего имущества. Команде вьетнамских государственных судов, уличенных в контрабанде опиума, грозила смертная казнь через обезглавливание в тюрьме (если вес опиума был менее 1 кг) и обезглавливание на месте (если вес опиума превышал 1 кг) и т.д.⁵⁶.

О том, что в стране опиум продолжал распространяться, свидетельствуют неоднократные повторы запретительных указов, но уже более мягких по наказаниям, в конце 40-х годов⁵⁷.

При Тхиеу Чи власть преследовала тех, кто тайно выходил в море, нарушая закон, то ли с целью торговых сделок, то ли с какой-то другой целью. Власть подозревала этих людей в темных замыслах, в том числе в намерениях контрабандной торговли опиумом.

Хроника DNTL приводит в этой связи любопытный эпизод (1847 г.), когда генерал-губернатор провинции Биньдинь-Фуйен подал секретную бумагу императору, в которой говорилось: «В отношении торговцев, которые тайно выходят в море, закон очень суров. И недавно в провинциях Намки было несколько судебных разбирательств. Следователи опираются на закон, но опасаются, что нарушители из-за страха перед наказанием как раз и будут уплывать в дальние края, становясь рабами западных варваров. В документе была просьба умерить строгость и отменить запрет. Тхиеу Чи настаивал на сохранении запрета незаконной торговли. «А если беспокоиться в отношении западных варваров и на этом основании отменить запрет, то это всё равно что отказаться от пищи, опасаясь, что она застрянет в горле... И ещё немалый вред, если разрешать лю-

дям тайком выходить в море, то ли с целью перевозки опиума, то ли западных людей, это означает не только безнаказанность для них за связи с людьми Запада, но означает еще и преступление, когда они практически зазывают людей Запада приходить еще. Решительно нельзя принять к исполнению», - резюмировал Тхьеу Чи⁵⁸.

В конце 50-х годов наметилась либерализация законодательства в отношении опиума во Вьетнаме, в частности, состоялся отказ от смертной казни. В конце 1856 г. вышел указ, предусматривающий безвозвратную конфискацию имущества у тех людей, которых разоблачили в тайном курении опиума. Признавшиеся и раскаявшиеся в курении опиума – получали имущество обратно⁵⁹.

В 60-ые гг. центральная власть запретительные меры заменила фискальными, и с 1865 г. решила перейти к взиманию налога на опиум по всей стране. Поскольку налог был тяжелый, считалось, что он приведет к снижению торговли и курения опиума, и таким образом, «без запретов запрет состоится»⁶⁰. Новая опиумная политика формировалась в обстановке борьбы группировок «за» и «против» либерализации в отношении опиума. В 70-е годы победила запретительная тенденция: в 1873 г. вновь был издан указ о запрете опиума во Вьетнаме⁶¹.

***У вьетнамских авторов можно встретить критические высказывания в адрес правящей элиты Нгуенов первой половины XIX и позже, которая так далеко заходила в своем изоляционизме, что была мало осведомлена об окружающем мире вообще.

«Они, например, ничего не знали о таких вещах как Опиумная война (1840 г.), о делегации в Пекин для подписания целой серии соглашений, которые были «национальным позором». Что говорить о более далеких странах, например о Японии с её революцией обновления Мэйдзи (1867) или о других странах, таких как Таиланд (Сиам), Индия, Индонезия, Филиппины...

Они вообще ничего не знали о международной обстановке, об опасности, которая грозила странам Востока, о развитии империализма на Западе»⁶².

Из текста статьи, написанной на материалах хроники DNTL, видно, что изоляционизм, который лежал в основе внешней политики Нгуенов, не был абсолютным. Минь Манг знал о событиях, предшествовавших Опиумной войне и о самой Опиумной войне, которую Англия вероломно развязала против Китая. Тревожился он и о судьбе своей страны в контексте экспансионистской политики Англии в регионе ЮВА.

Другое дело, что Минь Манг больше мыслил категориями цивилизационного порядка, а не геополитическими, и уж, конечно, не имел и не мог иметь представления о таком явлении как «развитие империализма на Западе», в чем упрекают Нгуенов вьетнамские историки. И он, и его преемник Тхьеу Чи рассчитывали минимизацией контактов с «алчными западными варварами, готовыми ради прибыли на все» и соответствующей их пониманию организацией обороны своей страны как превентивной меры избежать катастрофы, которая случилась в соседнем Китае. Уповали они как на спасительную вероятность и на далекие расстояния, которые отделяли Вьетнам от западных стран. Нгуены были людьми своего времени и своей восточной цивилизации, и поэтому не оценили масштаб западной беды, которая нависла над их страной. И не могли оценить.

По иронии истории далекий от Европы Минь Манг, взошедший на вьетнамский престол в 1820 г., в своих оценках англичан близок к Ф. Энгельсу, который, кстати сказать, родился в том же 1820 г., и позже писал об Опиумной войне, что «война сначала до конца велась англичанами в духе лютой жестокости, полностью соответствующей духу контрабандистской алчности, из-за которой она и была начата»⁶³.

Что касается оценок Опиумной войны Минь Мангом, то у него (в отличие от Энгельса!) преобладает почти постоянная антикитайская интонация и желание возложить на Китай долю ответственности за ее начало. Правда, надо учесть, что император Вьетнама умер в самом начале Опиумной войны (1840 г.), а проживи он по крайней мере еще лет 7-10, он, возможно, взглянул бы на её природу и «уроки» для Вьетнама более объективно и с большей пользой для своей страны.

Глядя на обстоятельства, связанные с Опиумной войной из сегодняшнего дня, «отстраненность» Минь Манга, а вслед за

ним и Тхиеу Чи от динамичных политических процессов в регионе, где уже во всю силу проявился экспансионизм Англии и ждала своего часа Франция, можно было бы обозначить словами, взятыми из принципиально другого временного политического контекста – как «мышление в терминах концепции стратегической неуязвимости» своей страны, крайне иллюзорной и с негодными средствами, как очень скоро показали последующие события, в результате которых Вьетнам стал колонией Франции.

¹ DNTL, t. III, с. 184.

² Там же, с. 193.

³ DNTL, t. IV, с. 157

⁴ Там же, с. 400.

⁵ См.: Мурашева Г.Ф. Вьетнам и Англия // Новая история Вьетнама. М., 1980, с. 367-372.

⁶ DNTL, t. III, с. 348-349.

⁷ DNTL, t. VII, с. 77.

⁸ DNTL, t. VI, с. 252-254; с. 79.

⁹ Там же, с. 254, с. 79.

¹⁰ DNTL, t. III, с. 81.

¹¹ DNTL, t.V, с. 173.

¹² DNTL, t. XV, с. 250.

¹³ DNTL, t. XIII, с. 283.

¹⁴ DNTL, t. XIV, с. 43, 54.

¹⁵ DNTL, t.VIII, с. 97.

¹⁶ Там же, t. XVIII, с. 330.

¹⁷ DNTL, t. XVII, с. 217.

¹⁸ DNTL, t. X, с. 181.

¹⁹ Палата, которая выполняла функции внешнеполитического ведомства.

²⁰ DNTL, t. III, с. 182.

²¹ DNTL, t. X, с. 182.

²² Там же.

²³ DNTL, t. X, с. 182-183.

²⁴ Там же, с. 295-296.

²⁵ DNTL, t. XXI, с. 295-296.

²⁶ DNTL, t. XXII, с. 263-264.

²⁷ Там же, с. 264.

²⁸ Там же, с. 264.

²⁹ Новая история Китая. М., 1972, с. 119, 107, 109.

- ³⁰ DNTL, t. XXII, с. 264.
- ³¹ Там же, t. XXII, с. 11.
- ³² Там же, с. 114.
- ³³ Там же, с. 114.
- ³⁴ Там же, с. 11.
- ³⁵ Там же, с. 182.
- ³⁶ Там же, с. 182.
- ³⁷ Там же, с. 10.
- ³⁸ DNTL, t. XXIV, с. 293.
- ³⁹ DNTL, t. XXIV, с. 238.
- ⁴⁰ DNTL, t. IV, с. 343.
- ⁴¹ DNTL, t. VII, с. 28.
- ⁴² DNTL, t. XVIII, с. 175. Одного из участников – Чэн Хынг Хоа вскоре отпустили на поселение в родную деревню (см. указ. соч., с. 176).
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ DNTL, t. X, с. 248-249.
- ⁴⁵ Там же, с. 387.
- ⁴⁶ DNTL, t. XVIII, с. 177.
- ⁴⁷ DNTL, t. X, с. 246-248.
- ⁴⁸ Там же, с. 247.
- ⁴⁹ DNTL, t. X, с. 262-263.
- ⁵⁰ DNTL, t. XI, с. 233-234.
- ⁵¹ Там же, с. 293-294.
- ⁵² DNTL, t. XI, с. 293-294.
- ⁵³ DNTL, t. XVII, с. 211-212.
- ⁵⁴ DNTL, t. XX, с. 237.
- ⁵⁵ DNTL, t. XXI, с. 223.
- ⁵⁶ Там же, с. 225, 226.
- ⁵⁷ DNTL, t. XXVII, с. 334, 382.
- ⁵⁸ DNTL, t. XXVI, с. 342.
- ⁵⁹ DNTL, t. XXVIII, с. 299.
- ⁶⁰ DNTL, t. XXX, с. 163-164, 294-296.
- ⁶¹ DNTL, t. XXXII, с. 298.
- ⁶² Вьетнамская философия нового и новейшего времени. М., 1990, с. 249.
- ⁶³ Ф. Энгельс. Новая экспедиция англичан в Китай. Цит. по: История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974, с. 190.